

«Не врать себе»

Человек года - 2005 - 25 марта - 3.13.

Егор Бероев считает, что только так можно оставаться человеком

Елена Кутловская

Егор Бероев родился в 1977 году в актерской семье. Его дед Вадим Бероев – знаменитый «майор Вихрь». Бабушка играла в Театре им. Моссовета, там же служит его мама. Да и жена Егора, Ксения Алферова, тоже актриса. В детстве Бероев любил рисовать и даже не помышлял об актерской карьере. И все-таки – гены! – он поступил в Театральное училище имени М.С. Щепкина. По окончании учебы его приняли в труппу МХАТа, где он дебютировал в роли Федора Годунова. С тех пор молодой актер сыграл около 15 ролей в театре и более 10 ролей в кино. А в начале 2005 года предстал в образе Эраста Фандорина в самой дорогой и шумной премьере сезона «Турецкий гамбит».

Егор, легко ли вы соглашаетесь на роли, которые вам предлагают в кино?

– Нет. Я сейчас снялся в трех фильмах, которые выбрал из двенадцати предложенных. Если мне предлагают 50-серийный фильм, я даже не читаю сценарий. Такое количество серий – не для меня.

– А как вы относитесь к тому, что после выхода картины «Турецкий гамбит» многие зрители кинулись выискивать в ней всевозможные исторические и литературные ошибки?

– По-моему, столь пристрастное отношение публики к «Турецкому гамбиту» – лишнее доказательство популярности картины. Пусть ищут дальше... Главное, что фильм интересный. Его смотрят. А все остальное – вторично. Для меня странно другое – многие критики, посмотрев фильм, почувствовали в себе страстное желание его ругать. Именно ругать, а не критиковать. Мне же кажется, что работа критика заключается в том, чтобы поддерживать хорошее начинание. Да, в фильме Джазика Файзиева есть ошибки – без них невозможно. Но сама картина сделана качественно, и она очень светлая. Это не очередная «чернуха», где лужи крови и бесконечная стрельба ради стрельбы.

– Файзиев как-то оценил вашу работу?

– Он поздравил меня. Но мы с ним не в тех отношениях, чтобы говорить, довольны мы друг другом или нет. Мы – команда. Мы варимся в одном котле.

– Вы ведь сами делали все трюки?

– Один делал не сам: надо было прыгнуть с пятого этажа на четвертый, это очень сложный трюк, и его исполнял болгарский каскадер.

– Почему все-таки решили выполнять трюки сами? Выпендрей? Или желание соответствовать своему персонажу на все сто процентов?

– Может быть, в чем-то и выпендрей. Но по большому счету мне было интересно ездить под каретой, прыгать на воздушный шар...

– Любите рисковать?

– Думаю, все, что я делал в фильме, – разумный риск. Если мне говорили, что не стоит прыгать с пятого этажа на четвертый, – я не прыгал. Но хотел, было желание рискнуть. Не дали. Пришлось подчиниться.

– А вы не хотели бы просто так, в качестве экстремального отдыха прыгнуть с парашютом?

– Нет, думаю, что никогда этого не сделаю. Моя жена Ксюша – прыгала! Понимаете, я люблю делать только то, что в моих си-

На съемках фильма «Турецкий гамбит».

Фото Армана Яхина

лах, где я точно уверен в своих возможностях.

– Под каретой ездить «в ваших силах», а с парашютом прыгнуть смогли бы?

– (Хитро улыбается.) Я не умею складывать парашют. И не хочу зря рисковать жизнью.

– Что толкает вас на подобный риск в кино?

– Там я полностью защищен. Когда речь идет о деньгах – продюсер никогда не будет рисковать жизнью актера. А с другой стороны, можно на ровном месте так упасть, что больше и не встать никогда.

– У западных актеров-звезд всегда есть страховки. У Тины Тернер были застрахованы ноги на 3 миллиона долларов. У Ричарда Гира – грудная клетка. А у вас какая-то страховка есть?

– Нет. А зачем? Я полностью доверяю нашему постановщику трюков Деркачу.

– Но вдруг...

– Никаких «вдруг» с Деркачем быть не может!

– Вы из актерской семьи. Не хотелось ли вам порвать с семейной традицией и стать, например, учителем в школе?

– Одно время я хотел быть фотографом. Хотел работать в журнале National Geographik,

чтобы ездить по миру и фотографировать людей, пейзажи...

– Вам не хотелось бы стать модным фотографом, как Хельмут Ньютон, например?

– Ни в коем случае! Только фотографом-путешественником.

– Вы не эстет, вам чужд снобизм и утонченные художественные жесты?

– Нет, я слишком грубый для эстета.

– Но вы же любите жить красиво, пить кофе из изящных чашек, окружать себя вещами, которые радуют глаз? Вы ведь не будете сознательно жить в разваленной квартире среди тараканов и мышей?

– Ну, это неизвестно... (Смеется.) Эстетская жизнь – понятие, пришедшее к нам вместе с буржуазными западными ценностями. В новой русской действительности эстет – это человек, который не хочет жить в ком-

муналке, но хочет жить в хорошей квартире. Хотя, с моей точки зрения, понятие эстетского мироощущения – более емкое... Вот Борис Акунин – настоящий эстет. Ему во всем важна изящная форма. А мне это не важно: мне все равно, во что я одет, гладко ли выбрит...

– А руку божму пожмите, не побрезгуете?

– Да запросто. А что в этом страшного или странного?

– Но руки-то потом тщательно помоете?

– Да, но только потому, что я актер. Я не могу заболеть, например, чесоткой или чахоткой. Сорвутся съемки. Вся моя жизнь буквально «заточена» под профессию (лукаво улыбается). Я вот не знаю, чистил бы я зубы, если бы не был актером? Выглядеть хорошо – это требование профессии. Не более того. Если бы мы встретились с вами в деревне, боюсь, вы бы меня не узнали...

бовать на вкус» то ощущение России, которое Набоков увез с собой в Америку. Но у меня не было желания родиться в другое время, нежели я родился. Хотя это вовсе не означает, что я человек своего времени. Я не вписываюсь в рамки современной жизни. И не хочу в них вписываться. Сейчас у людей нет идеалов. Все верят только в себя, любимого! Никто не ходит друг к другу в гости, все заняты мыслями о личном обогащении.

– Что для вас в жизни самое трудное – ходить в магазины или, может быть, общаться с людьми?

– Я люблю жизнь в разных ее проявлениях, и мне все интересно. Наверное, жизнь без трудностей прекрасна, а жизнь с трудностями еще прекраснее!

– А любить одну женщину – трудно?

– Любовь – это труд, но труд, который возвращает все спол-

но становится свободнее. И вот еще что: читая книги, мы не узнаем что-то новое, а подтверждаем те знания, которые уже есть в нас. Я говорю о знаниях и интеллекте, заложенных в нас божественной силой.

– Глубина постижения образа зависит от интеллектуально багажа актера?

– Думаю, что все зависит от внутреннего мира художника. Дело не в том, какое количество информации «сжевано» человеком, а в том, насколько глубоко он способен переварить ее, как много он способен прочувствовать... Насколько человек чувствителен к окружающему миру. Нужно уметь читать не столько книги, сколько жизнь и людей. Я стремлюсь к такому существованию. Этому можно научиться. А вот сколько душевных и духовных сил актер способен затратить на роль – зависит от степени таланта, и этому уже нельзя научиться. Когда Ев-

– Да! Если хороший спектакль – хочется тут же сыграть еще один. Возникает ощущение необыкновенного полета внутри, и это чувство невозможно остановить. Хочется что-то необыкновенное сделать, куда-то свой эмоциональный восторг выплеснуть.

– Многие актеры едут после выступления в ресторан, чтобы снять эмоциональный стресс после концерта или спектакля. А что делаете вы?

– Иногда тоже еду в ресторан. Но чаще – домой, и мы подолгу с Ксюшей разговариваем.

– Вы любите творить ночами или предпочитаете вести нормальную дневную жизнь?

– Я не ночной человек. Я привык рано вставать.

– Ваши коллеги говорят, что вы очень сложный человек. Это так?

– Мне тяжело находить компромиссы с обществом, вписывать себя в его законы. Поэтому я сложен для окружающих. Я не люблю фальши. Если я вижу фальшь, я не могу подыграть ей. Некоторым проще сказать про меня: он не светский человек, он – капризный и тяжелый, он – не наш. И усугубляет мою отчужденность то, что я обязательно отвечаю на любой укор в свой адрес. Я понимаю, что не надо бы этого делать. Но все равно скажу то, что думаю.

– Часто мы отвечаем на обиды в еще более грубой форме и обижаем людей сильнее, чем они нас.

– Вот поэтому я предпочитаю быть вне тусовок, вне общения с людьми, которым не важно, что у меня внутри. Им куда интереснее, с кем я живу и, простите, какие трусы ношу. Я не из тех, кто целиком и полностью продается: «Вот, берите, покупайте меня, я ведь публичный человек...» Я считаю, что должен держать марку и оставаться человеком. И журналисты обязаны это понимать.

– Что значит «держаться марку»?

– Не врать себе. И не подчиняться чужим правилам. ■

Любовь – это труд, но труд, который возвращает все сполна

– Неужели?

– А вы считаете, что нормально ходить с топором по русской деревне, подчищать хлев за короной и при этом выглядеть, как Ален Делон?

– Где вам проще играть – в классических или современных пьесах?

– У актерской профессии нет границ. Везде одинаково просто и одинаково тяжело.

– Есть люди, которые чувствуют себя в нашем времени неуютно, и кто-то из них хотел бы жить в 60-е годы прошлого века, кто-то – в Петербурге XIX столетия. У вас нет подобных желаний?

– Я бы хотел побывать – не жить, а перенестись на время с помощью какого-нибудь чуда в Россию начала XX столетия! Хотел бы ощутить набоковское время, почувствовать все катаклизмы того периода, «попро-

на. И если ты любишь этот труд, то с ним легко жить. Мою женщину любить нетрудно.

– А вы ленивый человек?

– Ленивый, конечно! Например, я читаю гораздо меньше книг, чем моя жена Ксения. Она меня ругает за это. Но для того, чтобы читать взахлеб с утра до вечера, – нужно забросить работу, перестать суесть, нужно быть вне времени. Когда я отдыхаю за границей, я читаю гораздо больше, чем в Москве.

– Для многих современных людей гигантское поглощение информации, в том числе и литературного характера, становится проблемой. Информация превращается для них в замкнутое пространство, и они начинают страдать клаустрофобией.

– Я убежден, что литература, как и культура вообще, только расширяет пространство. Дышать

гений Леонов выходил на сцену в «Поминальной молитве», он ведь ничего особенного не делал! Помните? Появлялся на сцене обычный русский мужик в джинсах, надевал на себя жилетку, кепку – и становился евреем! При этом в нем, казалось бы, ничего не менялось. Он просто жил болью своего персонажа. Творческий диапазон актера характеризуется тем, насколько глубоко он способен почувствовать боль или радость своего героя.

– Есть актеры, которые всю жизнь играют самих себя.

– Нет, мне это неинтересно, потому что я – одинаковый... (грустно улыбается), я – скучный... Я всего лишь «вынимаю» из себя переживания и вкладываю их в свою роль.

– Вы испытываете эмоциональное перевозбуждение после спектакля?